

Глава 1

Гусак был серый, огромный. Он страшно вытягивал шею, пригибал ее к самой траве и, разинув клюв, предостерегающе шипел. Мальчик занес пухлый кулачок, в котором крепко держал оловянную кружку, и сосредоточенно смотрел на гусака. Братишка, прячась за его спину, дергал его сзади за плечо и повторял:

— Пошли, Мико! Слышишь, пошли! Ну его...

Если не знать, что в рыбацких семьях все мальчишки лет до семи ходят в коротеньких красных юбках, то со стороны их можно было принять за двух маленьких девочек. Оба были светлые и кудрявые. На обоих поверх развевающихся юбочек были надеты фуфайки. Босые ножки прочно — не сдвинешь — стояли на низенькой зеленой-зеленой траве, сплошь усеянной гусиным пометом.

Высоко над ними сияло солнце. Ярким светом озаряло оно тихие воды залива, лежавшего в стороне, траву у них под ногами, ослепительно отсвечивало от стен белых, крытых соломой домиков. На некоторых домиках красовались коричневые рыболовные сети,

развешанные на деревянных колышках. Пейзаж был великолепный и вполне мирный... если бы не гусак.

Гусак ясно дал понять, что Мико ему не нравится, и тотчас же все стадо белоснежных гусынь, всегда готовых поддержать своего гусака, выстроилось в шеренгу и зашипело, пригибая головы к земле.

— Пошли, Мико! — сказал мальчик повыше, подпрыгивая на траве и дергая братишку за упрямое плечо. — Он щипается, он вчера Паднина О'Мира ущипнул.

— Вот тебе! — И Мико, прицелившись, швырнул оловянную кружку.

Кружка попала гусаку прямо в мозжечок. Мальчик, что повыше, даже перестал дергать Мико за плечо и как зачарованный уставился на гусака. Длинная шея опустилась еще ниже, скользнула по траве и свернулась на сторону, а вслед за этим повалился на траву и сам гусак, перекатился на спину и застыл, несуразно задрвав сверху перепончатые лапы.

— Ты что ж наделал? — сказал высокий мальчик. — Ты его убил. Теперь мамка тебе задаст!..

— Дохлая утка! — сказал Мико, указывая маленьким пухлым пальцем. — Дохлая утка! — и рассмеялся тоненьким, булькающим смешком, от которого так и распирало его пятилетнюю грудь.

— Ой, что нам теперь будет... — сказал его брат, испуганно озираясь по сторонам.

Ничто, однако, опасности не предвещало. Прямо перед ними за болотом виднелся ряд беленьких домиков, обращенных к морю, от которого их отделял зеленый луг. Еще дальше ряды таких же домиков взбегали вверх по склону Фэйр-Хилл, и отсюда видны были

только их соломенные кровли да еще синий отсвет неба в узеньких окошках тех, что стояли повыше. Но в дверях не было ни души. На огромном зеленом просторе они были совсем одни. Вокруг стояло горячее солнечное безмолвие. Да, они были бы совсем одни, если бы не судорожно подергивающийся гусак и не притихшие гусыни. Но гусыни притихли ненадолго: организовано, как на маневрах, они пошли в наступление. Сначала все они зашипели, потом — за исключением четверых, оставшихся караулить сраженного гусака, — кинулись на мальчиков. Глаза их сверкали недобрый огнем, из клювов несло зловещее шипенье. Они были исполнены решимости.

— Пошли вон! — сказал Мико, замахиваясь на них. Они продолжали наступать.

— Пошли вон! — повторил он и выставил вперед босую ногу.

Но гусыни все наступали. Мальчик, что повыше, перестал дергать Мико за плечо. Он попятился.

— Ой, они же нас съедят! — пролепетал он, отступая.

Мико не терял присутствия духа. Он брыкнул ногой, но гусыня, оказавшаяся ближе других, злобно ущипнула его. Мико не пикнул, хоть и было больно, и тоже попятился.

— Пошла вон! — сказал он снова, все еще не отчаиваясь, но гусыни уже заметили, что мальчик начинает сдавать, и двинулись на него с еще большей решимостью, шипя еще громче. Теперь они расправили крылья, отчего сразу же показалось, что их размеры и количество увеличились вдвое, и сплошной стеной пошли на Мико.

Мико повернулся и бросился бежать. Его маленькие толстые ножки так и замелькали над травой; гусыни погнались за ним. Теперь они уже не шипели, а торжественно гоготали. Луг кончился, и Мико выбежал на дорогу. Там он было в отчаянии остановился, но победоносно гоготающие гусыни не прекращали преследования. Тогда он перебежал дорогу и выскочил к самой набережной, растерянно высматривая брата. Кругом никого не было, и только откуда-то снизу, из-за причала, выглядывали два перепуганных глаза. Он стоял на каменной лестнице, ведущей к воде. Мико в один миг очутился рядом с ним, и они стали смотреть, как приближаются гусыни. Потом они взглянули вниз на плескающуюся воду. Был прилив. Море вытеснило реку из устья и лизало теперь нижние ступеньки. Гусыни надвигались. Мико хотел было спрятаться за брата, но тому пришла в голову та же мысль; он повернулся, чтобы протиснуться сзади Мико, и не успел оглянуться, как крошечная фигурка братишки полетела в воду. Он увидел, как схватило его море...

Красная юбочка на некоторое время задержала Мико на поверхности, потом он погрузился в воду.

Больше старший ждать не стал. Он разинул рот, заорал так, что даже столпившиеся наверху гусыни пришли в замешательство, и кинулся вверх по ступеням, забыв о своем страхе перед врагами. Те при его появлении поспешно разлетелись в разные стороны, совершенно потеряв чувство собственного достоинства. Добежав до луга, он помчался во весь дух к домику, стоявшему почти в центре длинного ряда одинаковых белых домиков.

Он бежал, вытянув вперед руки, и кричал:

— Мамочка, мамочка, Мико упал в море! Ой, мамочка, мамочка, Мико упал в море!

Мико снова появился на поверхности. Он подумал, что в воде было бы вовсе недурно, если бы только можно было встать на ноги, но оказалось, что опереться в воде совсем не на что. Он видел, как вздымались волны там, где река встречалась с морем между пристанью Ниммо и доками. Ему видны были домики на другом берегу реки, выходившие на улицу Лонг-Уок, такие беленькие, весело расцвеченные одеялами, простынями и полотенцами, которые вывесили в верхних окнах для просушки. И еще он видел на дальнем берегу реки гниющие на солнце остовы больших парусных кораблей, совершенно побелевшие от помета чаек. Вода вокруг него была зеленая и мягкая, а внизу под ним поблескивало солнце, отражаясь в ржавых консервных банках и в старых ночных горшках, в погнутых велосипедных колесах и в прочем хламе, сваливаемом сюда жителями всего поселка.

Потом Мико снова начал погружаться и подумал, что будет очень неприятно хлебнуть этой мерзкой воды.

И ничего подобного! Голова его так под воду и не попала, потому что кто-то высунулся рядом с ним из лодки и, протянув длинный багор с крюком на конце, подцепил Мико снизу и задержал его на поверхности. Теперь Мико оказался верхом на крюке. Он обхватил ручонками гладкое дерево, взгляд его скользнул вверх и уперся в коричневые скрюченные пальцы, державшие багор, потом поднялся выше до синих рукавов

фуфайки и, наконец, добрался до устремленных на него спокойных голубых с искринкой смеха глаз.

— Держись, Мико! — сказал старик.

По глубоко запавшим голубым глазам, выглядывавшим из-под черной широкополой шляпы, Мико узнал своего деда и, как всегда, когда тот бывал поблизости, почувствовал, что теперь уж все будет в порядке.

— Деда, — сказал он тогда сквозь смех, — а я гусака пришиб.

— Бог мой! — ответил дед. — Ну и бесово же ты отродье, Мико! Теперь твоя мамка тебя насмерть забудет.

Мысль о матери отрезвила Мико.

«Понаделал делов...» — думал про себя дед.

— А ну, держись крепко, Мико, я тебя сейчас на лодку втащу.

Мико так вцепился ручонками в багор, что суставы побелели. Мокрые светлые кудряшки прилипли к голове, подчеркнув еще больше все безобразие родимого пятна, почти полностью закрывавшего одну сторону его лица. Ужасное это было пятно. Оно начиналось ото лба, задевало часть левого века, распространялось на всю половину лица и плоским темно-лиловым пальцем уходило за ворот фуфайки. При виде этого пятна деду всегда становилось грустно.

Перст Божий, так обычно говорили про пятно. Это в тех случаях, когда не говорили чего-нибудь похуже.

Он медленно подтащил его к круто вздымавшемуся борту черного баркаса, на котором свежий вар отсвечивал зеленым, отражая освещенную солнцем воду. Вода тихонько ударяла об лодку. Высокая мачта

с просмоленными снастями покачнулась, когда он, нагнувшись, подхватил ребенка за подол юбки и достал из воды. Он держал его на вытянутых руках и смеялся, а с того ручьями лилась вода.

— Спусти меня, деда, спусти меня! — сказал Мико.

Дед втащил его в лодку и поставил рядом с собой, а с Мико так и бежала вода, прямо на гладкие плитки известняка, которыми было выложено для балласта дно баркаса.

— Ну, — сказал он, — скидывай-ка мокрую одежду. — И ловким движением стащил с него фуфайку, а потом снял через голову юбку на белом холщовом лифчике, и Мико так и остался — крепкий, маленький человечек с еще не совсем разгладившимися младенческими складками над коленками и с уже начинающим выравниваться животом.

Ножонки у него загорели чуть повыше колен, а руки, шея и все остальное были белые, как внутренняя сторона яичной скорлупки.

— Попрыгай-ка тут, — сказал дед, — а я пока поищу, чем бы тебя вытереть.

Он вскарабкался на нос лодки, лег плашмя, заглянул в люк и достал оттуда какую-то тряпку.

— Не слишком-то чистая, — сказал дед, осматривая ее. — А что нам, верно, Мико? — И он подошел к мальчику, сел перед ним на корточки и начал растирать его. На тряпке было только несколько пятен дегтя, так что действительно это никому повредить не могло.

Мико прикрывал ручонками грудь.

— Не щекоти меня, — едва выговорил он сквозь смешок.

— Вот еще беда какая, — сказал старик. — А ну-ка, поворачивайся, подставляй спину. — И он повернул его и заработал тряпкой. — А теперь айда наверх, посушись на солнышке. Будь у нас здесь бельевая веревка, мы бы тебя живо развесили, как пару штанов. — Он поднял его на палубу, а потом собрал мокрое платье и сильными руками выжал досуха через борт.

— Деда, а ты когда-нибудь был маленьким? — спросил Мико.

— А как же? — возмутился дед.

— Совсем как я? — спросил Мико.

— Точь-в-точь как ты, — сказал дед.

— А почему тогда у меня нет бороды, деда, как у тебя? — не унимался Мико.

— Да потому, — ответил дед, глубокомысленно покачивая головой, — что она выдается только старым рыбакам, вроде меня.

— А если я стану рыбаком, у меня тоже будет такая? — спросил Мико.

— Уж в чем, в чем, а в этом можешь не сомневаться, — сказал дед.

— Тогда я буду рыбаком, — сказал Мико уверенно и потянулся к лежавшему рядом ярусу, и тут же острый крючок вонзился ему в палец. Он завопил.

— Бог мой, Мико! — сказал дед. — Вечно с тобой какая-нибудь беда стряется. Прямо бес какой-то в тебе сидит, — и со страдальческим видом пошел к нему на помощь.

— Я только хотел посмотреть, какой он острый, — сказал Мико.

— Не шевелись ты, сатана, — сказал дед, — а то загонишь в палец так, что потом не вытащишь. — Он осторожно приподнял ярус, распустил немного коричневую леску и стал рассматривать палец. Оказалось, что крючок не успел войти глубоко. — Теперь сиди смиренно, слышишь ты? Я его вытащу, только смотри не дергайся.

— А Бидди Би меня убьет, а, деда, за то, что я ее гуся пришиб? — спросил Мико.

И тут над ними разразилась буря.

Испуганно загоготали гуси. Прямо над их головами раздался топот ног и крикливые женские голоса, и голос брата Мико, повышенный немного истерически, немного притворно, и к нему примешивались другие детские голоса, и когда Мико с дедом подняли головы, то увидели целое море лиц, смотревших на них сверху. «Странно, — подумал дед, глядя на вытянутые тела, — какими люди кажутся большими, если смотреть на них снизу, и какие у них тогда чудные лица».

Он без большого труда различил лицо своей невестки. Волосы у нее были каштановые, зачесанные назад от узкого лица и собранные на затылке в узел. «Узкое лицо и вдруг ни с того ни с сего квадратный подбородок», — подумал он. Нос орлиный, брови прямые. Она была высокая и держалась прямо. На голове у нее не проглядывало ни одного седого волоска, и ни вылинявшая коричневая блуза, заткнутая в грубую красную юбку, ни парусиновый передник, надетый поверх всего этого, не могли скрыть ее стройной фигуры. «Еще успеет поседеть», — подумал дед.

— Так вот ты где! — сказала она, и дед подумал, что голос у нее пренебрежительный. Она давно утратила

легкую картавость, свойственную мягкому коннемарскому* говору.

— Да вот он, целехонек, — сказал дед. — Я увидел, как он свалился, и вытащил его.

— Могли бы покричать, — сказала она. — Могли бы покричать, тогда бы мы хоть знали, что он цел. А я-то бежала высунув язык и все боялась, что прибегу, а он уж утоп. А Томми-то! Томми-то как перепугался! У него прямо сердечко вот-вот выскочит. Вы посмотрите, он прямо как смерть бледный, — проговорила она, прижимая к своему переднику рукой, испорченной бесконечной стиркой, шмыгавшего носом сынишку.

— Еще бы не напугался, когда он сам его и спихнул.

— Не-е, мама, это не я, — заверещал Томми, — я его не пихал. Он стукнул гусака, и гуси за нами погнались, и мы вместе побежали по лестнице, а Мико поскользнулся на этом, как его... ну, на зеленом, и свалился вниз.

— Правда, — сказал стоявший с ним рядом мальчишка, — мы с Туаки видели, как за ними гуси гнались. Ой-е, и здорово же они их!

— Ну ладно, выходи-ка, — сказала мать Мико голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Я тебе покажу!

— А мой гусак? — раздался сзади них скрипучий голос.

* *Коннемара* — географическая область в графстве Голуэй на западе Ирландии (провинция Коннахт). В основном торфяные болота, озера и невысокие горы. Важнейший город — Клифден. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Опираясь о кривую палку, вся согнувшись, женщина проталкивалась вперед. Заметно было, как столпившиеся ребяташки почтительно расступились перед ней, потому что кто же не знал, что она ведьма? У нее был нос крючком. Красный платок она завязывала под подбородком.

— А мой гусак? — повторила она. — Одна была у меня, у несчастной вдовы, опора, так и то не пожалели. И лежит он теперь, протянув ноженьки, как покойничек, и что же будут делать мои бедные гусыни без своего вожака, коли он околет? А я-то как проживу без своих гусей, и где мне достать другого гусака? Ах ты, бесово отродье, ах ты, поганец, вот погоди, доберусь я до тебя, перетяну тебя как следует палкой по заднице, и никакая мамка тебя не спасет!

— Ну ладно, вылазь, Мико, хватит этого, — сказала мать.

Мико стоял и поглядывал на них исподлобья, заложив руки за спину. Лоб у него был низкий, брови, уже темные и густые, резко вырисовывались над глазами. Карие это были глаза, только сейчас от растерянности он опустил их, так что не видно было, какие они милые. Волосенки начали просыхать и поднялись пушистым ореолом. Родимое пятно резко выделялось на белой коже.

— Я только стукнул гусака, потому что он хотел щипаться, — сказал Мико.

— Эй, Бидди Би, Бидди Би! — загалдели ребяташки. — Смотри, гусак-то очухался!

Это отвлекло всеобщее внимание от баркаса. Все головы повернулись в сторону луга.